

Мейхош АБДУЛЛАХ

(Продолжение. Начало
в №№ 1-3 этого года)

От голода темнело в глазах, но я не притрагивалась к еде, только очень хотела спать. В комнате стало совсем темно. Единственное, что хоть немного успокаивало меня в этой темной комнате, было дыхание моего ребенка. Оно так помогало мне в эти минуты! Я прильнула к щеке сына. На чужбине, в момент, когда моя душа разрывалась от горя, меня так поддержали мой малыш и его дыхание... Не помню, сколько я спала. Проснувшись от плача ребенка и вздрогнула. Оказывается, я заснула, как только прильнула к Русланчику - так и спала на нем. Он, зашдыхая от тяжести, начал плакать. Я успокоила его и задумалась о том, что будет со мной дальше...

В это время дверь открылась. Свет из коридора ослепил меня. У двери стояли двое в военной форме. Их увидели, что в комнате темно. Один из них шагнул вперед и включил свет. Это был тот офицер, который надругался надо мной. Рядом с ним была светловолосая девушка в военной форме. Войдя в комнату, она достала платок и зажала им нос. Скорее всего, почувствовала неприятный запах грязных пеленок. Комната была в ужасном состоянии. Девушка увидела разбросанные на столе продукты, осколки бутылок по полу. Она повернулась к офицеру и что-то сказала. Тот почесал голову и улыбнулся. Девушка долго смотрела на меня и Русланчика. Потом положила сумку на стол и открыла ее. Увидев в сумке медицинские принадлежности, я поняла, что она врач. Сначала девушка распеленала ребенка, внимательно осмотрела его, послушала легкие и сердце, затем уложила на живот, приложила фонендоскоп к спине. Закончив осмотр Руслана, подошла ко мне и стала осматривать раны и образовавшиеся на моем теле гематомы. Она спросила офицера, покачивая головой: "Что вы сделали с этой женщиной? За что?"

Ничего не ответив, тот взял со стола грушу и начал подвешивать ее. Словно слова девушки вошли его не касались. Врач попросила его выйти. Она показала мне очень доброй, не была похожа на плохого человека. "А может быть, это тоже часть их коварного плана?" - подумала я.

Выходя из комнаты, офицер показал на меня пальцем и сказал, хохоча: "Она

классная! Только проверьте ее на всякий случай - нет ли у нее венерической болезни... Быть может..."

Врач поняла, что мерзавец издевается надо мной и строго сказала: "У нее же грустный ребенок. Ты что, не видишь?"

"Бог знает, сколько мужчин постарались, чтобы этот выродок родился", - ответил мерзавец и заржал как лошадь.

Врач попросила меня раздеться и стала внимательно осматривать мое тело. Увидев ссадины и синяки, она повернулась к двери и крикнула: "Что вы сделали? Разве можно так обращаться с женщиной?"

Надо сказать, что по профессии я - медсестра и поэтому очень хорошо осознавала свое состояние. Но что мне оставалось делать? Одно только я знала точно - если эти мучения будут продолжаться, то я просто не выдержу. Мое душевное состояние было настолько ужасным, что думать о телесной боли просто не приходилось.

Моя новая знакомая заинтересовалась, знаю ли я русский язык. Я сказала, что имею медицинское образование, некоторое время жила в России и хорошо владею русским.

ПЛЕННИЦА...

(Отрывки из романа)

Основано на реальных событиях

Когда офицер вошел, она заявила, что состояние и ребенка, и матери очень тяжелое. И обоим необходимо поместить в стационар.

"В противном случае их состояние может ухудшиться", - твердо сказала она. В первую очередь эту девушку имели в виду меня, так как не хотела, чтобы мы оставались в одной казарме с солдатами. Офицер объяснил ей, что по приказу свыше переместить пленных отсюда можно не раньше, чем через два дня. Но врач настаивала, и в итоге они договорились, что для начала меня надо вывести из казармы и обеспечить жильем хотя бы с минимальными удобствами.

Меня перевели в другое помещение, недалеко от казармы. Комната, куда нас поместили, не отличалась особым комфортом, но, по крайней мере, была немногим лучше медвежьих берлог. Девушка просидела со мной до полуночи. А когда уходила, попросила, чтобы со мной обращались по-человечески. Когда я попросила у нее молока для сына, она спросила, почему я не кормлю ребенка грудью. Я сказала, что у меня нет молока. Она промолчала, а потом попросила офицера о чем-то и ушла.

Эта девушка мне понравилась. Было странно - что такой порядочный человек может делать здесь? Кто знает? Может, Аллах послал ее мне в помощь? Я хорошо понимала только одно - если бы не она, мое положение было бы гораздо тяжелее.

После того как врач ушла, солдат, стоявший у двери, принес теплую воду и стакан горячего молока. Положив все это на стол, он устался на меня. Это был худой молодой парень. Я понимала, что он, как и все остальные, видит во мне уличную женщину. После надругательства солдат я испытывала к себе отвращение и ненависть, смешанную с брешливостью. Мне было ясно одно - сколько бы я ни прожила после этого, никогда не смогу себя оправдать, меня всегда будет мучить совесть. Ведь я же не вещь какая-нибудь, чтобы мною развлекаться каждый, кто захочет.

Заметив, что солдат приближается ко мне, я подняла ребенка над головой и дала ему понять, что если он меня тронет, я убью ребенка. Солдат перепугался и вышел из комнаты. Прижав к груди своего малыша, я заплакала. Я гордилась своим сыном, который на этот раз смог защитить меня.

Мне стало чуть легче. Во-первых, потому, что врач оказала мне медицинскую помощь, а во-вторых - мне удалось на этот раз спастись от посягательства врага. Теперь чувство страха сменилось жадной мстительностью. Решительность девушки-врача вселила в меня надежду. Я не хотела умирать, оставив без

"Аллах! Неужели это я?" Мои волосы поседели за одну ночь. Я не узнавала себя. Мне припомнился случай, произошедший, когда я училась в школе.

Сын нашего соседа в ночь своей свадьбы, включая свет, задел открытый провод и скончался на месте. Можете себе представить, какой это был удар для его близких? Словно небо сравнилось с землей. Бедного парня похоронили прямо ночью, чтобы родным было не так тяжело. Его родители, брат и сестра сходили с ума. А рано утром всех ждал настоящий шок. За одну ночь невеста погибшего вся поседела. Я видела это собственными глазами и долгое время не могла забыть.

Теперь же, когда это случилось со мной, я очень хорошо понимала страдания, которые пришлось перенести несчастной невесте. И вместе с тем мои мучения были намного ужаснее - я вообще удивлялась тому, как осталась в живых. На мое лицо страшно было смотреть. Под глазами пролегли черные круги. Кожа на шее и горле была обожжена.

"Ай Аллах! Что со мной стало?!" Мне было жалко себя. Сидя на диване в углу комнаты, скрестив руки на груди, я подумала о том, что в это время Али приходил домой. К его приходу я уже накрывала стол, но не притрагивалась к еде. Он стучался в дверь особым стуком, по которому я сразу узнавала его. Зайдя в дом, широко раскрыв руки, обнимал меня и шутливо спрашивал: "Как себя чувствует невестка моей матери?"

От него ничего нельзя было утаить. Он замечал каждую мелочь - читал по глазам. Интересный был у него характер. И минуты не мог терпеть голод. Как только разувался, сразу проходил на кухню: "Умираю! Ой Аллах, сейчас умру от голода!" - причитал он, открывая крышки кастрюль. На ходу лоптал все, что попадалось съестного под руку. Потом с полным ртом что-то пытался мне сказать. А я, прислонившись к двери кухни, наблюдала за ним и смеялась. Утолив голод, он как ребенок вытирал об себя руки и спрашивал: "Санца, дорогая, как дела, как ты провела день?"

А я в тон ему отвечала: "Али, если ты наелся, я беру посуду. Ведь тебе необходимо накрыть на стол". Он, понимая свою ошибку, шутливо поднимал руки вверх в знак капитуляции и бросал меня целовать. "Не суди строго, - говорил он, - я же офицер. У нас так заведено. И еще не забывай - путь к сердцу мужчины лежит через его желудок". После таких слов я, прижавшись к груди мужа, благодарила Аллаха за дарованные нам счастливые дни.

На работе Али всегда был на ногах, ему некогда было присесть. Он настолько к этому привык, что даже дома часто смотрел телевизор стоя.

Иногда я ворчала: "Может, ты и спать будешь стоя? Не буду тебе стелить постель".

После моих замечаний он вставал в стойку "смирно" и шутливо "отдавал честь", приложив руку к голове: "Есть честь, товарищ командир!" Разве можно было после этого сердиться на него?!

(Продолжение следует)

Перевод Теране МЕММЕД